

Сергей Лизнёв

ГЛАМУР СПАСЁТ МИР

Рассказы

Сергей Лизнёв

Гламур спасёт мир

«Издательские решения»

2015

Лизнёв С.

Гламур спасёт мир / С. Лизнёв — «Издательские решения», 2015

Кто вам сказал, что соловьи-разбойники, змеи горынычи и просто трехголовые, а также всякие бабы-ёги и принцы на белых лошадях, если и существуют, то только в сказках? Посмотрите вокруг повнимательнее. Уверяю вас, вы их сразу узнаете. Только внимательно смотрите, иначе у вас есть шанс попасть в ситуации, в которые попали герои этих рассказов.

© Лизнёв С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Синописис	6
На четверых	17
Путник	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гламур спасёт мир

Рассказы

Сергей Лизнёв

© Сергей Лизнёв, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Синописис

Правоохранительные органы называют это использованием служебного положения в личных целях или же, коррупцией. Ну и что?! Я бы еще и взятки брал, вот только никто не дает. Это я так, и шутка, и разминка одновременно.

Самое сложное в написании чего-либо, во всяком случае для меня, – первое предложение. Если оно написано, – все, дальше как по маслу, вплоть до того, что самого себя «тормозить» приходится.

Вчера, уж было спать лёг, но еще не заснул, как вдруг на тебе! «На тебе!» предстало в голове как довольно-таки большая наглость и потребовала написать рассказ о себе самом. А что? Не скажу что много, но трохи написанного уже имеется, только вот написано все это о ком угодно, только не о себе. Наверное в результате такого положения вещей происходит дисбаланс и отсутствие справедливости. А справедливость быть должна! Если же ее нет, надо восстановить, по другому никак.

Самым простым а потому популярным способом восстановления справедливости, это я так думаю, является питье водки в больших количествах и ругание матом на весь белый свет. Еще можно кому-нибудь рожу набить, но это встречается реже, это на любителя. Водку пить что-то не хочется, матом я вообще не ругаюсь, а восстанавливать справедливость надо, ой как надо. Поэтому выход один, – использование служебного положения в личных целях, иными словами, коррупция.

Положение мое, даже представить себе не могу, в каком состоянии надо пребывать, чтобы назвать его служебным. Человеческий организм на такое количество «злодейки с наклейкой» просто не рассчитан. Неслужебное у меня положение, сам залез, никто не заставлял. Должностной инструкции нету, никто не давал. И за технику безопасности тоже нигде не расписывался.

Оно конечно немного жаль, служебное положение, да еще в личных целях, использовать всегда гораздо приятнее, чем неслужебное, ученые доказали. Но, поскольку из всех существующих положений в наличии только неслужебное, придется использовать его.

***

Позавчера рассказ начал писать, там мужик по-пьяни заблудился... Кстати, как и в случае с этим рассказом, тема пришла неизвестно откуда. Никаких тебе аналогий, вообще, в ту сторону даже не думал! Сидел тихо, мирно и никого не трогал, выпуск новостей по телевизору смотрел и вдруг хлопысть! На тебе! «Чё сидишь, дурью маешься, пиши давай!»

Ну и чем, спрашивается, мое, неслужебное положение, от чьего-то, служебного, отличается? Похоже, что ничем. А мужик тот, из рассказа, его сейчас похмеляют и завтраком кормят. Пусть, раз уж такое дело, завтракает, похмеляется и никуда не торопится, – я занят, положение свое в личных целях использую. Лишь бы он не перепохмелился, а то опять залезет куда-нибудь, а мне все это описывать.

***

Я тут наврал маленько, но, сами понимаете, без этого тоже никак. У меня еще одно положение имеется, пенсионерское. Вот только не надо сразу, мол, вышел на пенсию, в стране кризис, вся страна работает, а он мало того, что сам ничего не делает, так еще и других от дел важных отвлекает. Это, правда за глаза, я уже слышал, от соседей.

Тут две вещи являются определяющими, и какая из них первая, а какая вторая по важности и значимости, сам не знаю. Не, народ конечно занаёт, но мне лень спрашивать. Итак, первая – у меня нет совести, не предусмотрена. Ну получилось так, я не виноват. А второе, вот там виноватый есть, – Михаил Михайлович Жванецкий. Не подумайте, что он для меня является кумиром или образцом для подражания. Ни кумиров, ни образцов для подражания для меня не существует, верите или нет, – дело ваше. Наоборот, я очень боюсь брать с кого-то пример и быть похожим. Просто-напросто позволил себе быть самим собой, – простенько и со вкусом, как говорил товарищ Бендер.

Так вот, насчет виноватости Михал Михалыча. Это он сказал: «Писать, также как и пИсать, надо тогда, когда уже не можешь», а я услышал и вот вам, пожалуйста. Поэтому, если кому не нравится, все претензии к Жванецкому. Если что, не переживайте, отговорюсь, и еще во сто крат больше этого наговорю. Ладно, ерунда все это.

Не ерунда то, что действительно приспичило, в смысле, второе слово на букву «п» из цитаты. Вернее будет сказать, что даже не приспичило, а скрутило так, что никуда не денешься.

***

В случае со вторым словом из цитаты на букву «п», там все понятно. Понятно откуда и через что в тебя тот же кофе или пиво входят и выходят, и куда. А вот с первым словом на букву «п» полуизвестность с полуизвестностью, – пятьдесят на пятьдесят, приблизительно так. Получается так: неизвестно откуда, неизвестно через что вот это безобразие залетает в голову, а может еще куда, точно не знаю. Появляется, устраивает скандал. Обязательно устраивает, без этого не бывает. Затем прорывается к пальцам, которым ничего не остается делать, как отправлять все это в ноутбук. Представляете счастье такое? Причем, заявляется «это» когда ему заблагорассудится и всегда без предупреждения.

Получается, что из меня какой-то «аэровокзал» сделали, ну или железнодорожный, или автовокзал, без разницы.

Кстати, очень похоже. Пришли, так сказать, пассажиры, мать их эти, на тебя им абсолютно наплевать, на то ты здесь и поставлен, чтобы круглосуточно встречать-проводить. Попили кофейку, пирожок слопали, и дальше, по своим делам. А ты стоишь, смотришь на них, глаза вылупив, и думаешь: «А какого, спрашивается, вы приперлись, я вас не звал». Но им наплевать, ты сам по себе, они сами по себе. Спросить, не спросишь, они бессловесные, только нервы портить умеют и, говорю же, на тебя ноль внимания, как будто тебя и нет вовсе.

Иногда подумаешь, аж страшно становится: и где же я так нагрешил, если мне при жизни такое определено? Чего же тогда после неё будет?

Управлять этим совершенно бесполезно, сейчас объясню. Бывает, пишешь что-то, все нормально, и вдруг раз, не знаешь о чем дальше писать, пустота, хоть тресни. Поначалу, пытался что-то придумывать, мозги терзать, а потом плюнул. И точно, зафиксированный максимум, – два дня, и вот оно, появилось во всей красе и как раз то, что надо.

Кстати, аналогия с вокзалом, – яркий пример того, что появляется всё это совершенно непредсказуемо. Ей Богу не вру, вот сейчас не вру. Про Жванецкого давно появилось и видать сидело, ждало своего часа. Может теперь, когда написал, отпустит, как думаете? Про клавиатуру утром появилось, когда кофе пил. А вот про вокзал вынырнуло тогда, когда писал предложение: «Причем заявляется «это» когда ему заблагорассудится...». Появилось оно, про вокзал, всё и сразу, от первой до последней буквочки. Мне лишь осталось «проводить» восояси и пожелать... Но и это еще не все.

Дело в том, что приходят «пассажиры» эти, транзитники, самые разные по своему виду и содержанию, о которых я и представления не имел, в смысле, не приглашал.

Вообще-то жить с этим можно, иногда даже интересно. Еще более интересно другое. Вот пенсионер я, самый обыкновенный. Ну разве что пенсия льготная, на пять лет пораньше. Так много нас таких. Льготная пенсия у меня потому, что более двадцати лет в моря ходил, за это пораньше и назначили. Поверьте, есть за что. Там хоть и очень интересно, но далеко не всегда сахар, там всяко бывает. Но не в этом дело, дело в том, что за эти годы я повидал такого и столько, что ни в одном кино не увидишь.

Казалось бы, и это вполне объяснимо, если пенсионер – пенсионерствуй. Если не можешь не (первое слово на букву «п» по Жванецкому), – пожалуйста, сейчас почитай все этим занимаются и никто ни у кого разрешения не спрашивает.

Вполне логично, что в таком возрасте и пенсионном состоянии, побывав и повидав, об этом, как раз, и надо писать. А что, придумывать ничего не надо, всего делов-то, вспоминай и записывай. Хрен там! О чём угодно, только не о море! И ведь не скажешь, что загоняли меня туда оглоблей, или профессия не нравится. Все как раз наоборот: и профессия нравится, радист, – обалденная профессия, и в моря всегда в охотку, а написать про все это, – глухо! Прямо пустота какая-то. Наверное это диагноз...

Зато вместо этого: бабы-ёги, кошисты какие-то. Никита Сергеевич первым в космос летит. Козлы, умеющие читать и разговаривать. Руслан, который богатырь, на самом деле, – придурок. Все это как будто своими глазами видел. Во «пассажиры» на моем «вокзале» какие! Может я извращенец или сумасшедший? Насчет извращенца, не знаю, а насчет сумасшедшего, года три назад справку давали, что все нормально...

Единственное извращение, если это можно так назвать, – пишу под музыку. Может из-за этого? Нетушки, пробовал без неё. Как про народ наш, – чтобы ни делали, автомат Калашникова получается, так и у меня, гости, вернее, «транзитеры» один в один и тоже один другого то ли смешнее, то ли страшнее, не поймешь.

***

Но это все ерунда. Название рассказа видели? Вот где «гестпано» со всем прелестями! Для тех, кто не знает, поясню. Синописис, это нечто похожее на школьные изложения, которые в классах пятых-шестых заставляют писать. Не знаю как сейчас, а когда я в школе учился, заставляли. Вот и синописис этот, – изложение с той лишь разницей, что никто не заставляет, ну почти никто, и что излагать его надо отталкиваясь не от трехстраничного рассказа, а страниц этак с двухста. Поместиться все это должно в четыре-пять страниц. Каково, а?

Не знаю кому как, ну, кто и как к этому относится, но для меня писать изложение собой же написанного, да еще чтобы редактору этот самый синописис «улыбнулся», проще еще страниц четыреста написать. О чем писать? Во проблема! «Пассажиров» столько, что за всеми не уследишь. И все придурошные, любого цепляй!

Синописис на «Колобка» я писал приблизительно с неделю, чуть с ума не сошел. Даже мысль проскакивала: «А может ну её все куда подальше, может в моря сходить? Глядишь, отпустит».

Это я так. Разумеется ни в какие моря я бы не пошел, потому что синописис надо было писать, а кроме меня, написать его некому. Написал, куда ж деваться, но легче не стало.

Сейчас еще одна книжка лежит, ждет когда я синописис, будь он неладен, напишу. Это как раз та, где Никита Сергеевич в космос полетел (нормально слетал, все путем). Она, книжка эта, раза в полтора побольше «Колобка» будет, а листов то, под синописис, тоже, четыре, ну максимум, пять. И что делать, не знаете? Вот и я не знаю, писать то синописис этот надо, никуда не денешься. Иначе персонажи меня всего изнутри сожрут и не подавятся. И это еще не все.

Еще одна книжка, так сказать, в процессе, приблизительно треть написана. Ей тоже в перспективе синописис подавай. И еще одна, не начатая, но до ужаса наглая, – ни стыда, ни

совести! Уже орёт благим матом, мол, давай, меня пиши, хорош ерундой заниматься. И она, придет время, синопсис потребует. Это все без учёта «гостей-пассажиров». Тех вообще просчитать невозможно. Единственное, что о них известно, – все они наглые, скандальные и беспардонные. Вот тебе и пенсия, вот тебе и заслуженный отдых.

Единственное, на сегодняшний день утешение, так этот сборник рассказов и то, только потому, что на него синопсис писать не надо.

Рассказы, они как зайцы-безбилетники, хоть и появляются всегда неожиданно, как этот, например, зато всегда практически в готовом виде. Всего делов-то, в кучу их согнать и никакого тебе, вернее им, синопсиса не требуется. Подозреваю, что они, раз уж зайцы-безбилетники, то и в жизни своей, – троечники и хулиганы, и слова такого, как синопсис, отродясь не слышали.

***

Но дело тут не в книжках и не в рассказах, а в справедливости. Ведь она, справедливость, очень любит, когда установлена, причем, неважно кем. Мне все этот синопсис, будь он неладен, покоя не дает.

Отменить его вряд ли кто отменит, не для того придумывался. Но если знаешь: «Откуда, куда, зачем...», то на душе хоть изредка, но полегчать может, например, когда его, падлюку, писать надо, а желания никакого нет.

Насчёт авторов сего гениального изобретения особо и догадываться не надо, – редакторы, скорее всего главные, его придумали.

Сам я ни одного редактора живьем не видел. Журналистов видел, Брежнева и Элиса Купера тоже видел, а редактора нет, не пришлось как-то. Но это неважно, подозреваю что они люди как люди и ничего такого, чтобы взглянул и сразу в обморок, в них нет. Единственное, что есть у них и чего нет у меня, в частности, так это хлопот и забот, которые, если размазать ровным слоем, сантиметров этак в тридцать, лет на двести хватит. А самая главная и трудная ихняя забота, – народ у нас сволочной до ужаса.

Уж как с ним только ни бьются, ни сражаются, он все туда же. Кстати, бьются и сражаются с народом не редакторы. Редакторы, как раз, – сторона пострадавшая, страдающая и кажись обречённая страдать на веки вечные. Грамотный у нас народ, читать-писать умеет, ну почти весь. Вот с такими вот, грамотными, и сражаются все, кому не лень, правда, неизвестно зачем. Может быть редакторов жалко, а может еще что, не скажу, потому что сам не знаю.

Казалось бы, придумали всё что можно было придумать. Перечислить? Пожалуйста: кино с цирком, домино, карты, шашлыки. Интернет придумали, а в нем: «по полю танки грохотали», и, заметьте, как живые, даже стреляют. Самолеты летают и тоже стреляют. Воюй пока не лопнешь от удовольствия! Водки с пивом столько, что на несколько всемирных потопов хватит! Пользуйся, смотри, играйся, радуйся и оставь редакторов в покое, у них и без тебя дел навалом. Говорю же, сволочной у нас народ, а может быть с жиру бесится, потому что ему еще книжки читать подавай! Обнаглели до того, что в большинстве случаев, книжку только один раз читают, а потом новую им подавай. Найти бы того подонка, который ляпнул, что клиент всегда прав, да по морде дать! Клиент, он в бане клиент, ну еще там, где полиция периодически «контрольные закупки» делает, а в книжном магазине или в библиотеке он не клиент, а читатель. Так что, насчет «всегда прав», здесь не подходит. Однако прилипло, не отлепишь, а редакторам отдуваться.

Уйма книжек уже написана. Вполне возможно, еще больше пишется сейчас и уж точно, гораздо больше будут написаны в ближайшем будущем. Следить-то за всем этим кому, банщику что-ли, или древнейшему профессионалу? Как же! А читатель, которого превратили в клиента наглеет, ему вынь да полож, и чтобы интересно было! Мало того, обнаглели до такой

степени, что одному про любовь подавай, другому про майора Пронина, а третий и сам не знает чего ему надо, но выпендривается будь здоров как.

Это я все к тому, что обязательно найдется сволочь разбалованная и зажавшаяся, которой подавай то, чего ещё не было и чтобы обязательно интересно. Этот, ну не ругаюсь я матом, да и нельзя здесь, а хочется, чуть ли не с ножом к книжному продавцу и в горло метит. Мол, предоставь и обеспечь, а тому куда деваться? Тот к редактору и тоже с ножиком. Вот они, «длинные ножки», где в ходу и популярны, и, заметьте, не в течении одной, отдельно взятой ночи, а круглосуточно и в течении, да что там лет, столетий.

Получается, что опять редактору достается больше всех. Хорошо хоть он с читателями не общается, и слава Богу, сожрали бы. Редактору это «чего еще не было и чтобы обязательно интересно», искать приходится, иначе, сами понимаете, – ножик и все такое.

В старину, народы, те, которые до сих пор в тундре живут, незнакомцу, ну если в гости зашел, жену свою предлагали. Не были они ни какими там ни извращенцами, ни импотентами. Им свежая кровь была нужна, чтобы не выродиться и не исчезнуть бесследно. Ведь Природа-мать, она не только мудрая, но и жестокая, вернее, требовательная.

С книжками, картина один в один. Можно конечно раз за разом штамповать то, что уже понравилось. Но, говорю же, народ у нас сволочной. Быстренько раскусит, пошлет куда подальше, и сам пойдет туда же. Туда, где это самое «чего еще не было...» есть. И опять редактор виноватым окажется, со всеми вытекающими...

***

Вот и приходится ему рисковать, и не потому, что до сих пор пиратом хочет стать, испанские галеоны на abordаж брать, а потому что деваться некуда. Обложили со всех сторон и к стенке припёрли.

А вот теперь о не менее, а скорее всего, наиболее сволочной части народа нашего. Это те, которые, мало того, что читать умеют, они еще возмнили себе, что и писать умеют (один из них вот это все сейчас и пишет). Как в кино: «Самогон, – гадость, но люди пьют...», – один в один!

Если кто пытался вытравить с кухни тараканов, знает, что сделать это практически невозможно, потому что они из всех щелей лезут, как их, щели эти, не затыкай. Средства никакие не помогают, проверено не один раз и еще больше раз доказано. Единственное, что можно сделать и чего можно добиться в бесполезной борьбе этой, – уменьшить их количество. Это, если очень стараться и рук не покладывать ни на минуту, может получиться, но не факт. Здесь утешает только одно, из всего грамотного количества населения большинство все-таки предпочитает читать, ну разве что анонимками балуется.

Есть конечно те, которые книжек вообще не читают, – святые люди! На них молиться надо и пиво им бесплатно раздавать! Насчет молиться, не знаю зачем, а насчет пива, – чтобы книжки читать не вздумали!

Ну а тем, которые что-то там пишут, а потом своей писаниной жизнь, и без того нелегкую, редакторам отравляют, им надо бесплатно цианистый калий выдавать, должно сработать. Но, видать грех на душу брать никто из редакторов не отваживается, поэтому стали они придумывать, как бы, ну если не вывести окончательно, то хотя бы уменьшить количество этих самых, которые...

Собрались, значит, редакторы, грустные все такие. Под глазами синева, и не потому что в глаз кто-то заехал, а потому, что обложили со всех сторон, и что жизни никакой нет, вообще.

Расселись за столом здоровенным и начали было думу думать, как секретарша чай-кофеи принесла, ну и принялась наделять им редакторов.

Точно не скажу, наука на этот счет молчит пока, но сдаётся мне, что кроссворды секретарши придумали.

Девоньки! Не подумайте пожалуйста, что я пытаюсь принизить ваш нелегкий и ответственный труд, упаси Господь! Опять же, вызвать недовольство секретарши, а в случае с этим рассказом, не одной, – все равно, что по минному полю на лыжах кататься. Я о другом. Работа у вас до того ответственная и важная, что дабы не сгореть на ней без остатка, вам приходится, заметьте, приходится, все знать, отсюда и кроссворды.

Так вот, покуда секретарша расставляла перед гостями чашки, она мысль и подала. Мол, чего мучиться, сходите к министру, попросите чтобы он приказал своим изложения в школах отменить. А то, действительно, проходу от них, писак этих, совсем не стало. Один до того обнаглел, что на мой электронный адрес свое «гениальное», тьфу ты, творение скинул, сволочь. Всю ночь читала, так и не уснула. А утром, на работе, бабы, они, сами знаете какие, замучили распросами: с кем это ты всю ночь, что аж всклокоченная вся такая? А я ни с кем! Ерунду эту всю ночь читала. Так им то не докажешь, у них одно на уме.

Секретарша расставила чашки, заодно поведала о жизни своей, тоже нелегкой, и была такова. Она то ушла, а чай-кофеи, и, самое главное, мысль, секретаршей подкинутая, остались.

Начали обдумывать и просчитывать визит к министру. Долго просчитывали и выходило, что не будет от этого никакого толку.

Ну, предположим, придут они к министру, расскажут о жизни своей, нелегкой, ну и что? Если трепыхаться начнет, можно конечно в лоб чем-нибудь тяжелым (у него на столе навернка есть что-нибудь тяжелое, но можно и с собой захватить). Можно конечно в ресторан вывезти и напоить там до такого состояния, чтобы он забыл на какой планете родился. Тогда согласится, это точно. Эта метода испытана веками и сбоек не дает.

Но опять не то, ну что ты будешь делать?! Ну, предположим, отменят в школе изложения, и будут детишки школу заканчивать читать умеющими, а вот писать, ни-ни. Оно хорошо конечно, можно даже сказать, – красота сплошная, но не то, потому что наполовину. Наполовину потому, что... Ладно, за тех, кто школу заканчивает, можно не беспокоиться. Будут конечно, так сказать, отщепенцы, но немного. А куда девать тех, которые уже пишут и покоя не дают? Вон, секретаршу, и ту достали. Опять принялись думать.

А вот здесь картина вырисовывалась просто жуткая. Разучить писать, не разучишь, поздно. Это как на велосипеде кататься, один раз научился и на всю жизнь. Запретить, не запретишь, демократия все-таки. Склонить их всех эмигрировать в ту же Америку, не поедут. Те, кто хотели, уехали, а этим, значит, отечественные редакторы больше по вкусу. Остается одно, их надо куда-то деть! Причем деть так и туда, чтобы они выбраться оттуда не смогли и самое главное, чтобы там ни почты, ни Интернета не было.

Расстелили карту, стали смотреть. Мест, где нет почты нашли много, а вот где нет Интернета, мало. Интернет, он ведь и напрямую, через спутник, бывает, а от этих сволочей всего можно ожидать. Ну а то, что додумаются, к бабке не ходи...

Кто-то из присутствующих предложил отправить их всех на другую планету, на тот же Марс. Всё это можно будет представить и расписать как освоение планеты, потому что места на Земле уже всем не хватает. Вот и отправить их всех на этот Марс. Пусть там себе: пишут, читают, не читают. Далеко Марс от редакций и редакторов находится, а самое главное, связи никакой. Есть конечно опасения, что выкрутятся, но это будет на уровне погрешности, не более, и потерпеть можно.

Но и Марс был «забракован»: дорого и шумиха большая. Надо сделать так, чтобы всё шито-крыто и чтобы не прикопаешься.

Кстати, идея редакторов насчёт Марса, каким-то образом просочилась в народ и была подхвачена. Кандидатов скорее всего отловили, чем отобрали и начали готовить к полету и

освоению, все нормально. Вот только интересно, эти то, которых отловили, они то чем отловителей достали, раз их так? Ладно, пусть сами разбираются кто кого и за что, не до них.

Неизвестно сколько бы еще продолжали сидеть и думать редакторы, скорее всего всю ночь. Потом весь день и опять всю ночь и так до бесконечности.

Редакторов спасла секретарша. Она вошла в кабинет и прямо с порога: мол, хорош дурью маяться, по домам езжайте. А то у неё, у секретарши, дел невпроворот. Надо дочитать пидурком присланное, да и поспать хоть чуть-чуть. А то бабы завтра опять прохода не дадут. А вам, это она редакторам, лучше всем вместе на природу съездить. Вот там, под шашлыки да под водочку и подумать как следует. Природа, а если еще не на пустой желудок и не на сухую, мыслительному процессу очень помогает. И ушла, домой, чтобы ну хоть чуть-чуть поспать...

Редакторы тоже потянулись в сторону своих домов, но, благодаря секретарше, кстати, хоть и с грустными мыслями сейчас, зато со светлыми надеждами на завтра.

***

На следующий день, ну или через день, редакторы, по числу издательств в этой местности, выехали на встречу с Природой-матушкой.

Изначально было определено: никаких тебе санаториев-профилакториев или же мест, специально для приготовления и поедания шашлыков предназначенных. У самих руки есть, нечего всяким там официантам да мангальщикам под ногами путаться, раздражают. Тем более, что ехали не для того, чтобы напиться-наестся, да в лопухах поваляться, а для того, чтобы, знаете для чего... Даже секретаршу, ну ту, которая подсказала все это, с собой не взяли. Мол, за совет спасибо, можно даже премию выписать, а дальше, – не твоё дело. Опять же, шефа целый день на работе не будет, разве этого мало? Ведь всем известно, что после шефа самый главный человек в любой конторе, – его секретарша. Заместителей и помощников много, а секретарша одна. Соображаете?

Чудеса начались еще в городе. Оно ведь как бывает? Если к чему-то готовишься заранее, вернее будет сказать, планируешь, то и удовольствия никакого не получается. Не, есть конечно, но, как бы это сказать? Наверное запланированное удовольствие, это тоже самое что и безалкогольное пиво: название есть, а всего остального нету.

Другое дело, когда, можно даже сказать, неожиданно. Еще вчера и в мыслях не было... Какая там природа с шашлыками и, говорят, сейчас не рекомендуется писать с чем, – толерантность, мать его или её. Скорее всего, его, ети (тогда «мать» не подходит). Ну, думаю, понятно с чем, когда работу работать надо, а ее столько, что никаких матерных слов не хватает.

Кстати, может быть кто помнит, чем нечто подобное закончилось у товарища Саахова? Ведь он предупреждал, а значит жаловался: «Всё кабнэт, кабнэт...», но внимания никто не обратил. Правду сказать, товарищ Саахов был на сто процентов ответственным товарищем, в смысле, прагматиком. Не обладал он искрой творческой. Может быть не полагалась она ему, а может быть полагалась, но товарищ Саахов её благоразумно, в целях противопожарной безопасности, загасил. А когда она понадобилась (Нину увидел), искры той не оказалось, на том и погорел...

Другое дело редакторы. Они, тоже, все без исключения, товарищи, или господа, кому как больше нравится, ответственные, но это ещё не все. Помимо ответственности, сиречь, прагматизма, в них, в обязательном порядке, творческая искра присутствует. Да какая там искра! Внутри каждого из них целый костёр бушует, творческий. Два в одном, – лед и пламень! Похоже, что наличие этих ингредиентов для редакторов является такой же базовой необходимостью, как для радиста знание азбуки Морзе. Вот и получилось, что только обладатели льда и пламени, более того, способные хранить всё это вместе без взаимоуничтожения, смогли придумать такую вселенскую гадость и подлость как синопсис.

***

Так вот, к неожиданной поездке «по делу, на шашлыки» редакторы подошли..., неизвестно как, они сами не поняли. Оказалось, что почти всех их на продовольственный рынок или же в соответствующего профиля магазин на экскурсию водить надо. Помните про тридцать сантиметров и двести лет? То-то же! Оказалось, что покупать продукты питания, если не каждый день и не в обязательку, – занятие интересное и приятное. Интересное, потому что этим, в их семьях, занимаются жёны или домработницы, у кого есть. А кому повезло особенно, – тещи. А редактора ставят перед фактом. Вернее будет сказать, – перед редактором ставят тарелку с «фактом». Приятность же, здесь вообще все очень просто. Торгующие всем, чем угодно обращают на это самое пристальное внимание.

Человеку, не обязательно редактору, очень нравится делать спонтанные и ни к чему не обязывающие покупки. Одно дело, – покупка телевизора или ещё чего-нибудь эдакого. Есть конечно энтузиасты, которые зайдя в магазин просто так, без всякой надобности, по зову жёлтой крови в голове, покупают тот же телевизор. За такими психиатрам и психотерапевтам скрытое наблюдение устанавливать надо, мало ли чего... И совсем другое дело, – зашел в магазин, тоже, просто так. Что понравилось, бывает такое, то и купил. Надо-не надо, оно потом срывается, уже дома, но даже то, что купил тебе и не надо, все равно, получаемое удовольствие от факта покупки «просто так» перевешивает.

А с редакторами получилось так, что специально не подстроишь и не придумаешь. Сама по себе поездка, да ещё на природу, случилась неожиданной.

Неожиданно выезжать на природу, мягко говоря, неприятно только в том случае, если на той «природе» кладбище расположено, а в остальных случаях, – всегда и сплошное удовольствие.

То, что вызвана эта поездка необходимостью изобретения противоядия от не в меру пишущих и вообще пишущих сограждан, настроения не портит, скорее наоборот. Дальше, попить-поесть надо покупать, а затем и готовить, надо тоже самому. И это приятно, потому что выбираешь сам, и готовишь сам, а не кто-то выбирает и готовит хоть и для тебя, но за тебя.

Еще один немаловажный фактор, – наверняка среди тех редакторов были редакторы, которые на своей ответственной работе хоть и частично, но всё равно, благодаря буйнопишущим, были вознаграждены язвой желудка, гастритом или еще чем-нибудь таким же неприятным, при котором почти ничего нельзя.

Как известно, чем пища вкуснее, тем она вреднее и наоборот. Представляете каково носителям язвенного «счастья» приходится? Это же все равно, что в наручниках жить, причем, постоянно. А врачи пусть не врут и не обнадеживают. Не лечатся ни язва, ни гастрит. Они уметь только болеть-не болеть, а лечиться не умеют. А от кого это все? Знамо дело, от тех, кто пишет, а потом ерундой этой издательства заваливает, ни стыда, ни совести.

И вот он, момент истины, или час «Ч», неважно. В лесу никто не собирается орать на редактора, носителя язвы, и страшать его гееной огненной в желудке потом. Ну и хрен и с ним! Зато можно все, чего, и сколько захочется, а это радость, пусть и недолгая, всего на несколько часов. И еще такой нюанс. Запретный плод не только сладкий и вкусный, он еще и мыслительному процессу очень способствующий, потому что выводит человека из состояния «почти ничего нельзя» и с размаху бросает в состояние «все можно». А язва, она и без шашлыков периодически болит. Не думаю, что все, без исключения, редакторы, – язвенники или гастритчики, и, несмотря на все их вредности и коварства, не желаю им этого. Это я так, на всякий случай, потому что такое возможно и не более того.

К покупке всего, что надо, надеюсь уже поняли, редакторы подошли с двух сторон: с прагматической и творческой. Догадываетесь какой из «ингредиентов» взял верх? Правильно, –

огонь! На время совершения покупок от льда даже пара не осталось! Возобладало «приятно». «Надо-не надо» начнётся после, тогда, когда синопсис будет придуман, а пока, – да гори оно все огнем ясным! Похоже?

Так что, набрали редакторы всего и много, так, что в микроавтобус еле поместилось. А вот здесь прагматизм сработал, вернее, прозорливость. Зачем каждому на своём автомобиле ехать, пусть даже и с водителем? Тут дело не в бензине и не в его дороговизне. Не надо быть даже хоть чуть-чуть фантастом, чтобы сфантазировать на тему, ну хотя бы еженедельного нахождения редакторов всех мастей в салоне микроавтобуса.

Ясно дело, это случилось с ними в первый раз. А если в первый раз, значит это дело новое и потому интересное. Это новые впечатления и ощущения, и как следствие, настроение еще лучше.

Жарить шашлыки в микроавтобусе еще никто не додумался, но то, о чем сейчас рекомендуется умалчивать, – сколько угодно. Какая разница, что стаканчики пластмассовые? Так даже лучше, и запивать из горла, вкуснее. А шашлыки, шашлыки лес любят, так что поехали, и на природу тоже...

***

Если кому-то померещилось, что я всё это так подробно расписываю из-за любви к редакторам, ошибаетесь. Я женщин люблю, а редакторов, – не знаю, скорее всего нет...

Объяснение этим подробностям только одно: это я так время оттягиваю от...

Ну вот представьте, мне, уже очень скоро предстоит описывать сам процесс изобретения синопсиса. Можно конечно соседа попросить, но ему лет этак сто-сто пятьдесят придется объяснять, чего же я от него хочу. Поэтому сам, всё сам, эх...

А синопсис этот для меня всё равно, что твердым, холодным и острым по мягкому и тёплому, начиная с макушки и заканчивая пятками, и наоборот.

До этого у меня было два нелюбимых, даже ненавидимых занятия, – гладить рубашки и то, что стиральная машинка постирала, на верёвке развешивать. Теперь вот ещё одно прибавилось. Неужели без «любви» к цифре три в жизни никак?

Ладно, поныл и хватит. Ной, не ной, а всё равно придётся синопсисы эти писать, чтоб их...

Точно также как и в сказках, – долго ли, коротко, но приехали редакторы в лес. Полянку тоже выбрали не заранее, по карте в Интернете, а ту, которая понравилась, на которой глаз остановился. Опять спонтанность, а значит настроение чуть-чуть лучше.

Ну а дальше началась толково-бестолковая суeta предшествующая и крайне необходимая для приготовления шашлыка и всего такого...

А лес, что лес? Он завсегда гостям рад, тем более, что все мы дети его, из него вышли. Правда очень давно, так давно, что и забыли об этом. Относись к нему уважительно, а он тебе в любых делах помощником будет. Это точно, ни к бабкам, ни к ученым ходить не надо.

***

Ленин шалаш и пень рядышком называл зеленым кабинетом. Только вот скучным у него кабинет получился. Дело не в том, о чем он писал и что задумывал. Редакторы тоже замыслили такое, что не один я охаю и ахаю. А ведь кто-то еще при этом и матерится! Дело в том, что Ленин на всём готовом жил: дрова не собирал... Костер может и разводил, точно не знаю. И шашлыков он не жарил, хотя к тому времени они уже были придуманы. Да хрен с ней, с этой толерантностью! Водки у него тоже не было! А без нее, матушки, разве что в голову путнее

придёт?! Опять же одиночество, вот и получилось, вернее, хоть и получилось, но не надолго, потому что товарищ Сталин водку пил и совсем другие «песни пел».

А в случае с редакторами и с синопсисом ситуация получилась, как раз, «всерьёз и надолго», на мою голову, и не только на мою.

Никто обязанностей по приготовлению шашлыка не распределял, каждый занимался тем, чем считал нужным заниматься, а в результате получалось единое целое.

Не зря я про зелёный кабинет вспомнил. У редакторов тоже зелёный кабинет получился, только не потому, что полиция ищет, а потому, что секретарша подсказала и всем её подсказка пришлась по душе.

И происходило в кабинете этом, хоть и зелёном, самое обыкновенное совещание, ну, или же, мозговой штурм. Разница была лишь в том, что вместо стен и прокуренного воздуха, с которым даже кондиционер не справляется, лес, ну и воздух, свежее не придумаешь. Если в кабинете, в том, который в городе остался, стены и воздух прокуренный, – враги лютые, то здесь, в зеленом кабинете, лес и воздух свежий, – друзья и помощники верные. Ну а шашлыки с водочкой всяко лучше кофе растворимого и чая пакетированного.

Вот и получилось, что каждый как-бы занимался своим делом, а вместе, все занимались делом общим, – коварство придумывали, как от пишущих сограждан отбиться-оборониться.

Шашлыки поспели и были неторопливо съедены, запиты, и опять съедены... Вот тут-то наверное и наступил момент перехода количества всего полученного по дороге сюда плюс сейчас полученного и окружавшего, а также съедено и выпитого, в качество. щ

Почему так? А потому, что прозвучала страшная фраза, от которой и предстояло «отплясывать», – «краткость, – сестра таланта».

Заметьте, всё произошло легко и просто, правда мне от этого не легче, скорее, наоборот.

Редакторы сначала замерли, затем вздрогнули, закусил, опять вздрогнули и начали превращать нечаянно вылетевшую или прилетевшую откуда-то, фразу, в свое спасение, в свой эликсир счастья и бессмертия.

Все оказалось до безобразия просто. Пишешь? Пиши. Кто тебе не даёт?! Присылаешь? Присылай, у компьютера память большая, а если в бумажном виде, кладовка есть, не беспокойся. Ты, мил человек, помимо того, большого и длинного, что написал, напиши-ка нам, в виде бесплатного приложения, тоже самое, только маленькое, листов на пять, не больше. Сам понимаешь, дел много, а таких как ты, еще больше. Не имеем мы ни времени, ни физической возможности всё прочитать в полном объеме, сам понимать должен.

Говорят, что дьявол кроется в мелочах. Всё верно, редакторы дьявола в синопсис этот и поместили. Вроде бы синопсис, – мелочь. А раз мелочь, то товарищ с рогами и хвостом именно там тебя и дожидается.

Оно конечно все верно. Есть такие книжки как близнецы клонированные. Имена-фамили, как авторов, так и персонажей, меняй местами, – ничего не изменится.

Эх, ладно уж! Не хватало еще между собой собачиться. Короче, обложили так, что ни света, ни продыха.

Назвали это орудие пытки синопсисом. Как это слово переводится на русский язык, я не знаю, наверняка что-нибудь ругательное, а то и вообще, матерное. В Википедию из вредности не полез, да и какая разница? И так всё ясно, – ничего хорошего. Сплошные хитрость и коварство с издевательствами.

Оно понятно, редакторы остались весьма довольными своими хитростью и изворотливостью. И что обидно больше всего, – на ровном месте обвели-обжулили да так, что не прикопаться. Вот что значит образование!

А тут, всего «орденов с медалями», – школьные тройки, что по русскому языку, что по литературе. Придётся терпеть, во всяком случае пока, а там, глядишь, что и придумается.

Грустно конечно, это мне грустно. Редакторам, так тем наоборот: напились, наелись, синопсис придумали, как тут не веселиться? Я бы тоже веселился, если бы подобную пакость им придумал.

Ладно, я не злопамятный, я вредный, упрямый и терпеливый. А пока, пока редакторы уселись в микроавтобус и уехали в город. Пока, редакторы! Приезжайте еще, только больше синопсис не придумывайте!

А я, сижу, смотрю на все эти буквы, слова, предложения и, да просто смотрю и всё тут. Да, покурить надо и кофейку выпить.

Утешает хотя бы то, что редакторы, уезжая из леса, после себя мусор не оставили, все с собой забрали. Наверняка отвезут его туда, где ему самое место. Вот за это спасибо, ея и от леса, и от меня.

***

Ну вот, вроде бы написал про синопсис этот и не полинял даже, разве что поседел чуть-чуть, но это незаметно и никого не интересует, и меня в том числе.

Зачем все это написал? А хрен его знает зачем. Захотелось, вот и написал. Конечно же в процессе написания всего этого ответы на вопрос: «Что делать?» приходили. Не, скажу, что много, но были. Один из них, – создать общественное движение и назвать его «Антисинописис», например. «Антимайдан» существует же, почему «Антисинописису» не быть? Вот только не люблю я глотку драть, я тишину люблю, разбавленную негромкой музыкой. Так что, если кому идея с «Антисинописисом» понравилась, – дарю.

Ну и еще, а то подумаете, что храбрый через чур. Если я скажу, что этим рассказом не хотел привлечь к себе внимание изуверов-редакторов, ну а дальше, сами знаете, то навру. А врать не то, чтобы не хочется или стыдно, лень просто...

Кстати, любое, написанное что-то, вольно или невольно, стремится произвести впечатление на редактора потому, что в троице: тот, кто пишет – редактор – читатель, он как раз посередке находится, выводы делайте сами.

Оригинальность сюжета впечатление конечно может произвести, но не надолго. Надолго впечатление производит не «что», а «как», хотя и «что» со счетов никто не сбрасывает.

Вот тогда не надо будет издавать книги за свой счёт, для самолюбования и самоутверждения.

За свой счёт, это все равно, что с резиновой бабой, из секс-шопа, спать, – дети не получаются. А я детей люблю, и не только я, жизнь их тоже любит, потому что без детей, – это не жизнь, а что-то другое, неизвестно что.

На четверых

Ну и задачу загадал царь-батюшка, хуже не придумаешь. Будто кроме как Змея-Горыныча побеждать, в царстве других дел нету. Гнусенько. А самое гнусенькое в том, что деваться некуда. Если не пойдешь, голова с плеч, с гарантией. А без нее, без головы, жить скучно. Есть-пить неизвестно в куда, да и поговорить, не поговоришь ни с кем, говорю же, скучно.

Ну а если пойдешь и не победишь, тоже хана и тоже гарантированная. Правда есть еще вариант – победить этого Змея-Горыныча, будь он неладен, хоть он то здесь как раз и не причем. Живет себе, живет, никого не трогает. Если и хулиганит, то исключительно по пьяни, и то, не очень чтобы.

Тогда да, тогда царевна в жены полагается и полцарства в придачу, вот только даже если и победишь Змея, обманет царь-батюшка, как пить дать, обманет.

Правда никто еще Змея этого не победил, наверное потому царевна до сих пор в девках и мается. А может быть она кривая, косая вся потому и в девках, да и подозрительно как-то, никому ее не показывают. Царь говорит, что на свадьбе, мол и увидишь и тогда смотри-любуйся сколько тебе твоей душеньке угодно.

Так, вернее об этом, думал Иван, возвращаясь из царского дворца к себе домой. Делать нечего, раз стукнула дурь в голову, вызвался в женихи царевнины, придется идти, побеждать Змея. Уж лучше пусть он сожрет, чем при всем народе по шее топором. Каюк то что там, что там – один, но если топором, то соседи увидят а потом гордиться и рассказывать всем будут что, мол, вот какой у нас сосед, ему голову по приказу самого царя срубили. Тьфу ты! Их бы туда!

Ивана, соседи, да и не соседи тоже, дураком, в открытую, хоть и не называли, но наверняка в дурости подозревали. Да и как не подозревать, ну скажите, какой умный попрется к царю, царевну в жены просить, наперед зная, что тот его заставит Змея-Горыныча побеждать? Только дурак!

Но Иван хоть возможно и был дураком, но не совсем. Идя домой, он, ну почти лихорадочно, думал над тем, как бы ему победить Змея-Горыныча, так сказать, нетрадиционным способом и с гарантией. Думал, думал и придумал, вернее вспомнил.

Где-то год назад Змей-Горыныч, по пьяни милицейский УАЗик спалил. Он ведь как, Змей, этот, если трезвый, то держит себя, а как напьется, так давай огнем пулять в разные стороны. Вот и пульнул в милицейский УАЗик, а тот и сгорел. Хорошо, что милиционер, Иван, только не этот, другой, успел из машины выскочить. Правда ему все равно досталось, от начальства. Объявили ему выговор, строгий, и премии лишили. Вот теперь Иван этот, милиционер, злой очень на Змея-Горыныча, и говорят, что отомстить ему поклялся.

Вот тут есть за что зацепиться. Надо будет Змея-Горыныча напоить в дребодан, ну чтобы буяннить начал, тогда милиция то его и заберет, в вытрезвитель. А в вытрезвителе его Иван-милиционер-водитель то и прижучит, и отомстит. Гениально!

Для стопроцентной чистоты предстоящего истребления Змея-Горыныча, Иван, придя домой, напился, причем напился серьезно, как положено. Утром же, маясь с похмелья, а не притворяясь, Иван взял четверть самогона, закуски чутков и отправился к Змею-Горынычу, истреблять его, значит.

Змей-Горыныч сидел под здоровенным дубом и был занят тем, что пытался всеми тремя пальцами ловить бабочек, развлекался значит. Увидев Ивана, Змей свои развлечения прекратил. Сначала было подобрался весь, думал что Иван биться пришел, но увидев, что мечи или дубины у Ивана с собой нет а есть мешок какой-то, расслабился:

– Ну что, Иван биться пришел?

– Во первых здравствуй.

– Ну здравствуй. – все-таки Змей-Горыныч не до конца был уверен, что Иван не драться пришел. Мешок, непонятно с чем, не давал покоя.

– Нужен ты мне больно, биться с тобой. – сказал Иван присев напротив Змея. – У меня другая забота. Понимаешь, перебрал вчера, похмелиться надо, а похмелиться то и не с кем, все на работе, вот я к тебе и пришел.

– Не врешь?

– Да чтоб мне...!

– А ну, дыхни!

Иван дыхнул в нос одной из голов. Видать перегар был настолько настоящим, что поморщились сразу все три головы, но зато Змей-Горыныч успокоился, мол, не врёт Иван, и вправду с похмелья.

– Ну тогда давай. – согласился Змей-Горыныч. – Я завсегда не против.

Иван развязал мешок, достал из него бутыль с самогоном, закуску и четыре стакана. Почему четыре, а потому. Считайте, голов у Змея-Горыныча три, плюс Иван, вот четыре и получается.

Далее все как обычно: разлил по стаканам, поднял, выдохнул, выпил. Змей-Горыныч проделал все тоже самое, только когда выдыхал, огня не было, и головам пришлось пить по очереди, лап то две, а голов три, потому и очередь.

– Ну, рассказывай, – сказал Змей-Горыныч. Морды у голов стали довольными, видать понравилась самогонка то. – Как жизнь? Царевну то замуж выдают или плюнули?

– Говорят выдают. – Иван хоть и закусывал хлебом и пока подозрений со стороны Змея-Горыныча не вызывал, все равно, хитрил, обманывал.

– Значит скоро жди гостей, – вздохнул Змей-Горыныч сразу в три головы. – Ты не знаешь, царю что там, больше делать нечего как меня истреблять? Чуть-что, царевне замуж в очередной раз захотелось, так женихи ко мне прутся, да все с мечами или дубинами, надоело уже. Я же никого не трогаю, живу себе тихо мирно.

– Давай еще по одной, – предложил Иван. Разлили, выпили, закусили. – А чего ты хотел? Сам посуди, царевна, хоть ее и никто не видел, все-таки царевна. Все-таки царь за ней полцарства в приданое дает. Ну и хрен с ним, что царство маленькое и дырявое, все равно царство. А женишься на не царевне, чего хорошего? Дадут за ней, ну корову, или телушку, курей с десятков и сундук с барахлом, и то, с бабским. Вот и выбирай.

– Оно конечно так, – согласился Змей-Горыныч. – Счастья, его все хотят, и я хочу тоже а мне не дают, драться лезут.

– А ты уедь куда-нибудь, подальше. – на всякий случай предложил Иван. – Вот и не будут приставать.

– Да куда я поеду? – опять вздохнули Змеевы головы. – Кому я там нужен? А здесь все-таки мой дом, знаю всех, и меня знают. Видать судьба у меня такая, издевательства терпеть.

– Видать такая. – тоже вздохнул Иван и разлил еще по одной.

Бутыль довольно-таки быстро закончилась, голов то, ну если с Иваном, было четыре, а значит и глоток столько же, поэтому пришлось Ивану идти еще за одной. Ничего страшного, Иван пошел за второй бутылью. На ногах он стоял еще крепко, а как стоял на своих лапах Змей-Горыныч, Ивану пока было непонятно, потому что тот как сидел под деревом, так и продолжал сидеть, никуда не вставал.

«Ладно,» – возвращаясь с бутылью, думал Иван. – «Эту прикончим, тогда он уж точно начнет буянить, а милиция уже в курсе».

По дороге за второй бутылью, Иван свистнул соседского пацана и наказал ему сбегать в милицию и сказать там, что, мол, Змей-Горыныч пьянствует и что часа через три напьется до пороссячьего хохота и обязательно начнет буянить. Пацан, стимулированный пряником,

просьбу дяди Вани пообещал выполнить, правда после того, ну как выполнит, потребовал еще один пряник. Ничего не поделаешь, пришлось Ивану пряник пообещать.

На этот раз Змей-Горыныч встретил Ивана гораздо приветливее, он даже закуску какую-то приготовил, ведь Иван, разумеется что специально, о закуске якобы совсем забыл. А сам тем временем думал, что нечего закуску попусту тратить, без закуски Змей-Горыныч быстрее буяннить начнет, а значит быстрее в вытрезвителе окажется, ну а там, как говорится, дело техники, вернее, милиции...

Опять разливали, выдыхали, выпивали, потом опять выдыхали а потом закусывали. Потом, разумеется, разговоры разговаривали. О чем разговаривали? Да так, о ерунде всякой. Кто не знает о какой, напейтесь с корефаном и поговорите, тогда поймете, о чем Змей-Горыныч с Иваном разговаривали.

После очередной, но явно не последней Ивану вдруг захотелось плясать. Ну захотелось, так захотелось, пляши, кто тебе не дает. Правда Змей-Горыныч составить компанию Ивану отказался, как сидел, так и продолжал сидеть. Змей-Горыныч был согласен составлять Ивану только одну компанию – насчет выпить, а плясать, пляши в одиночку.

А Иван плясал. Потом, плясать ему показалось мало и он начал петь. Петь Иван тоже любил, но поскольку из песен знал только частушки, и то, матерные, пел их. Потом они еще пили и еще разговаривали, а потом Ивану захотелось пойти в деревню и набить кому-то морду, правда он не сказал кому. Змей-Горыныч пытался было его отговорить, но где там, попробуй, отговори его. Так что Иван поперся в деревню, а Змей-Горыныч как сидел под дубом, так и остался там сидеть.

По дороге в деревню Иван повстречался с милицейским УАЗиком, а поскольку был пьяным, пьянее не бывает, и орал матерные частушки, был задержан, помещен в УАЗик и отвезен в вытрезвитель. До Змея-Горыныча УАЗик, получилось, что не доехал, да и незачем уже было. Пьяный Иван был задержан, а значит план на тот день был выполнен. А вытрезвителю, ему все равно, кто в нем ночевать будет, Иван или Змей-Горыныч...

Утром Ивана, после, говоря культурным языком, соблюдения всех формальностей, из вытрезвителя выпустили, нечего в трезвом виде место занимать. Будешь пьяным – добро пожаловать, а трезвым, ну и что, что с похмелья – делать нечего.

Иван вышел на улицу, перед вытрезвителем, точно также, как вчера под дубом, сидел Змей-Горыныч:

– Здорово Иван. Как ты?

– Как, как, хреново!

– Иван, я тут, это, подумал, слетаю ка я к брату, в гости, на месячишко. Да и не виделись уже давнено. А ты, это, сходи к царю, скажи ему, что победил мол меня, выгнал из царства. Понял?

– Понял. – на всякий случай сказал Иван, хотя на самом деле ничего не понял.

– Ладно, пойдем, подлечиться тебе надо, а то, вон, аж колошматит всего...

Путник

Шёл я домой, по улице, вернее, по тротуару. Ну и какая разница что выпимши? Сам же шёл, своими ногами!

Улица та же самая что и вчера, мало того, уже лет пятнадцать как одна и та же. Живу я на этой улице, дом мой на ней стоит. Только в подворотню заходить надо, подъезд там, во дворе.

Короче, все как обычно и как всегда. Ну разве что никого вокруг, даже машины не ездят.

Я еще подумал, что поздно уже, вот никого и нету. Часов-то тоже нету, а спросить который час не у кого. Да и зачем спрашивать? Домой иду. Какая разница, все равно жена ругаться будет. Но это пока не страшно потому, что случится позже.

Вот она, подворотная, можно сказать, родная. Захожу, иду... В ней всегда темно, даже днём, а тут ночь на дворе. Иду, а двора почему-то все нет и нет...

Вместо двора оказался я в поле. Сейчас-то уже всё равно, что внимания на это не обратил. Ну какая разница, что выпимши? Ещё неизвестно, как бы вы, сразу или нет, поняли, что ерунда какая-то вокруг творится?

Судите сами: точно такая же ночь и точно такая же осень как и там, на улице. А я вот сразу понял потому, что асфальт под ногами исчез куда-то, а вместо него то ли дорога, то ли тропинка, – непонятно что, появилась.

Оглянулся назад, – мать честная! Нету подворотни! Вместо неё такая же ночь и где-то вдалеке еще что-то темнее, чем ночь и воет кто-то. Может быть воет, а может быть стонет или ещё что, но всё равно неприятно.

Значит туда нельзя, надо вперёд идти. Идти-то идти, но вот что со мной такое, никак не могу понять. Может у меня от избытка кислорода в голове всё помутилось? Всяко ведь бывает. Вперёд надо идти, там подъезд должен быть, а в нём квартира с женой. Злая наверное, жена-то...

Я посмотрел в ту сторону, где подъезд должен быть. Точно, огонёк горит. Мне сразу надо было задуматься, почему огонь в единственном числе, но я почему-то не задумался. Теперь уже конечно без разницы. Наверное подумал, что мне один огонёк и нужен, – подъезд с квартирой, вот и пошёл на него.

Иду, а сам думаю, вот попал, так попал! И где же я нахожусь-то? Ну уж явно не в городе. Тогда где? Как я сюда вообще попал? Ясно как, сам себе отвечаю, через подворотню конечно. Прямо Старик Хоттабыч какой-то. Ладно если Хоттабыч, тот, помнится, хоть и вредный, зато добрый. А вдруг другой кто, тогда что? Вот и я о том же. не знаю!

Не знаю, а всё равно иду, потому что больше ничего не остаётся делать, потому что огонёк впереди светит, зовёт как-бы.

Звать-то зовёт, а внутри кто-то или что-то монотонно так, повторяет: «Не ходи, не ходи...». Я бы не пошёл, так сзади воет кто-то! Мне что, туда идти, что-ли? Вот там наверняка сожрут, а где огонёк, глядишь и пронесёт. А голос этот, противный такой, как звук от метронома, талдычит и талдычит: «Не ходи, не ходи...».

Да чтоб вас всех! Что мне, прямо здесь, на дороге, разлечься и заорать: «Нате! Подавитесь!», так что-ли? Поэтому, кто ты там, молчи и не порть мне настроение. Оно и так, любому повешенному позавидуешь.

Иду и стараюсь ни о чём не думать, так спокойнее. Пропадать то конечно неохота, да и не за что, ну разве по мелочам. А за них, за мелочи, другие наказания полагаются. Ну, набили бы морду и все вокруг довольные, и я в том числе, а тут такое...

Вот если был бы пьяным, тогда всё объяснимо и даже оправданно. Такое случается и со мной пару раз случалось. Да со всяким такое может приключиться, потому что люди все мы.

Просыпается мужик где-нибудь, ну, например, у женщины с которой всего-то пару раз, сами понимаете чего, да и была та пара раз ещё до изобретения китайского языка произошла. Бывает, что у корефана просыпается, или в вытрезвителе. Да чего уж там, у нас много всяких мест есть, где после вчерашнего можно проснуться. Да, но для этого надо быть с вечера в таком состоянии, чтобы вся нечистая сила от ужаса взрагивала.

Со мной-то ничего такого нет и не происходит. Мы с ребятами сегодня, теперь уже вчера, ну, пивка попили не без водочки конечно, но и не более того. Правда, Валерка предложил в сауну перебазироваться, чтобы обстановка соответствующая, с девочками разумеется, и всё такое. Они-то поехали, а я домой пошел. Отказался, точно помню.

Я вообще всегда помню что было, в каком бы состоянии при этом ни находился. Пешком пошёл потому, что идти-то было всегда ничего, минут тридцать. Думал, пройдуся не спеша, прогуляюсь, проветрюсь... Прошёлся называется, проветрился, до сих пор прогуливаюсь! Знал бы, такси словил или шаровика какого-нибудь.

Словно в подтверждение того, что прогулка продолжается, слева и сзади кто-то или что-то опять завьюло, потом зауhalо а после, так вообще, заквакало. От такого «концерта» кому угодно поплохее, но я каким-то чудом держался. Наверное потому, что огонёк впереди светил, а я на него шёл, ну прямо как тот мотылёк. Если бы не огонёк, точно, пропал бы и сгинул окончательно.

Иду я, иду, а огонёк этот всё не приближается и не приближается. Если бы это был мой двор, давно бы дошёл. Там идти-то, метров двадцать. Значит всё-таки занесло куда-то, раз столько времени иду, а огонёк этот на одном и том же месте остаётся.

Наверное из-за того, что состояние моё было нервное и неопределённое, в голове кто-то песни петь начал.

Знаете, иногда бывает такое. Появляется в голове какая-нибудь песня и начинает сама себя петь. Тогда всё, считай на целый день в певца превратился, потому что бесполезно что-либо с ней делать. Выключить не выразишь и громкость не убавишь, не магнитофон всё-таки, а она поёт и поёт, зараза. Если же поддаться, она на губы лезет, тогда не только головой, но и губами петь её начинаешь.

Со мной такое случалось, причём, несколько раз. Выжил конечно, но приятного мало. Я даже пытался понять тогда, вопросы сам себе разные задавал, с чего бы это? Теперь понял почему, – ситуация подходящая для песни наступала, вот она и начинала петь. А сейчас ситуация, лучше, вернее, хуже не придумаешь. Вот и песня появилась ей соответствующая:

Что за дом притих, погружён во мрак,
На семи лихих, продувных, ветрах...

Почему-то я был уверен, что огонёк светит из окна дома, на худой конец, – над крыльцом зажгли, чтобы в темноте не споткнуться.

Всеми окнами обращён в овраг,
А воротами, на проезжий шлях.

Наверное волшебство и бесовщина всякая существуют, потому что как только песня в голове петь начала, так и огонёк сразу приблизился.

И правда, это оказался дом, в темное плохо видно, скорее приходится догадываться. Подошёл ближе, – точно, дом. Только не такой какой-то. Ни загородки, ни палисадника, не говоря уж о сараях. Стоит дом, крыльцо есть, а справа окошко небольшое, и светится.

Устать-то устал, но лошадей при мне не было, пешком пришёл. Я машину сегодня вообще не брал, с утра знал, что «водка пей, земля валяйся» предстоит.

Стою, смотрю на эдом этот. Орать не стал. Думаю, постучу, глядишь, откроет кто. Кричать на улице, еще за сумасшедшего примут, или пьяного, и не пустят. А ночевать на улице что-то не хочется, воеет кто-то, да и холодно. Ничего не поделаешь, осень.

Постучал. В ответ тишина, хоть бы кто шелохнулся или голос подал. Ладно, думаю, раз свет в окне горит, значит в доме кто-то есть, просто когда стучался, не услышали.

В дом заходишь как, все равно в кабак...

Это всё песня в голове никак успокоиться не может. Странно конечно, но покуда почти всё с песней совпадает. Посмотрим что будет дальше. Если верить ей, кабак там. Ну не кабак, какая разница, всё равно, ничего хорошего. А делать-то нечего, вон сколько отмахал, чтобы сюда дойти. Да и податься больше некуда. Воеет всё время кто-то, темно и холодно. Так что, пойду...

А народишко, каждый третий, – враг.
Своротят скулу, гость непрошенный,
Образа в углу, и те, перекошены

В сенях, или что это было на самом деле, я почти не заблудился. Прикинул, что вторая дверь должна прямо по курсу находиться и не ошибся. Так, по мелочам, позадевал что-то, но ничего не опрокинул и не разбил. Нашупал дверь, открыл её, и...

...мама родная! Кажись здесь баба-яга живёт или ещё кто из нечистой силы! Всё какое-то старое, прямо-таки древнее, аж в глаза бросается. Прямо перед дверями печка оказалась, настоящая, русская, я такие только в кино видел. Справа от печки стол и две лавки около него. А на столе, я сразу-то и не сообразил что это такое... Щепка в другую деревяшку вставлена и горит. Под ней миска с водой, наверное чтобы то, что уже сгорело, туда падало, чтобы пожара не случилось. Ишь ты, нечистая сила, а соображает!

Слева была комната. Мебели никакой, только что-то на топчаны похожее и сундук, здоровенный, как джип. Никаких черепов и прочей нечистосильской атрибутики не просматривалось, мне даже немного обидно стало. Уже было настроился увидеть жилище бабы-яги во всей его красе, ну это я так, слова другого не нашлось, а тут ничего такого, из экзотики, кажись и нет. Хорошо хоть, стиральной машинки и холодильника тоже нет. Кот есть. Здоровенный и чёрный, а глаза жёлтые. Сидит, смотрит на меня и ничего не говорит. Наверное Пушкин, Александр Сергеевич, про него писал. Вот так-то. А самое главное и интересное, – в доме никого, не считая кота. Странно всё это, ночь на дворе, а баба-яга где-то шляется.

Подтверждением тому, что здесь живёт именно баба-яга, ну или ещё какая-нибудь нечисть, служило то, что огонёк, который горящая деревяшка даёт, совсем тусклый и слабый, а видно, причем через окно, издалека. Вон сколько отмахал, и всё на этот огонёк, от щепки.

Ладно, думаю, мелочи всё это. Где баба-яга то? Ну или кто там этот: он, она или оно? Потом вспомнил, что ночь для нечистой силы, – самое рабочее время, как последняя пятница месяца. Наверное и эта на работу пошла и сейчас где-то там, в лесу, людей изводит. А может быть это баба-яга выла, стонала и квакала? От такой мысли я аж весь похолодел.

Получается, что засекла она меня, завыла-загугукала, и погнала к соему логову. Да, что-то куриных ног не видно было. Ладно, темно всё-таки и не до них, если честно. Это что же получается? Загнала она меня к себе домой, мол, сиди, дожидайся своей участи, а сама дальше пошла наруду жизнь портить?

Всё логично получается, я тут, доме у неё. На улицу не выйдешь, там темень и она воеет, поэтому, и это вполне естественно, здесь останешься, – тепло и воя не слышно.

Потом, под утро, баба-яга с работы приходит, а её уже свежий завтрак, в виде меня, дожидается. Остается всего-ничего, – в печк засунуть и довести до готовности. Интересно, в одежде будет засовывать или снимет? И ещё, живьем, или сначала чем-нибудь по голове бабахнет? Лучше конечно же чтобы бабахнула, неохота живьем и в сознании. Совсем с ума сошёл! Хорош, а то ещё накаркаешь!

Так, рабочий день у них, вернее, ночь, до третьих петухов продолжается, а дальше ни-ни. Это я точно знаю, читал где-то А во сколько третьи петухи петь начинают? Что толку, часов-то всё равно нету!

Часов нету, а шанс выбраться отсюда живым, есть. Можно конечно пойти на улицу и подождать, но дюже там холодно и баба-яга воет, на нервы действует. Посижу-ка я здесь, тепло всё-таки, подожду. Наверное часа два-три до петухов осталось. Как почувствую, что время подходит, тикать отсюда.

Самое главное, – чтобы до рассвета не слопали. Днём нечистая сила – нетрудоспособная, а я, наоборот, трудоспособный. Осмотрюсь, прикину что к чему и домой буду пробираться, к жене. Да, цветов надо будет не забыть купить...

Кажись накаркал, идёт кто-то. Мамоньки родные, делать-то что?! Да ничего ты уже не сделаешь, сожрут тебя сейчас, вот и всех делов.

Дверь открылась, и, вот она, баба-яга, самая настоящая. Лицо всё в морщинах, нос, правда, нормальный, не крючком. Волосы дыбом и почему-то не седые, а видно, что крашенные. Да какая теперь разница? Одета соответственно, наверное спецодежда у них такая, в мешок какой-то. Если взять мешок из-под картошки, только большой, вернее, длинный, вырезать на дне три дырки: одну для головы а две для рук и одеть, – один в один получится.

Испугался конечно, да кто угодно испугается. Баба-яга, кажись, тоже испугалась, а может быть, удивилась. Видать другой завтрак к себе загоняла, а тут я попался. Правда, она быстро пришла в себя и теперь стояла, смотрела на меня совершенно спокойно, видать соображала, каким образом меня в печку засовывать?

И затеялся странный, чудной разговор...

Хорошо хоть музыки не было, а то вообще, мог бы и не выдержать, петь бы начал.

– И кто же ты будешь? – спросила баба-яга.

Как к ней обращаться? Не знаю! Бабой-ягой назовёшь, еще обидится, – женщина всё-таки, хоть и душегубством промышляет. Да все они, бабы, душегубством промышляют! Вон, хотя бы тещу мою возьми. Хорошо хоть не она здесь живёт и работает, вот тогда шансов никаких не было бы. Самое лучшее, – никак не обращаться, а дальше видно будет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.